

Машина быстро остановилась перед роскошной виллой.

Вилла насчитывала три наземных этажа и два подземных, а придомовой сад площадью в четыреста квадратных метров был засажен зеленью. На западной стороне сада располагались пруд с рыбой и площадка для барбекю.

В саду пила кофе женщина с прекрасным лицом. Она слегка помешивала напиток маленькой серебряной ложечкой, не извлекая при этом ни малейшего звука. Присмотревшись, можно было заметить, что эта женщина, обладая той же отточенной годами безмятежностью, что и Цзян Юй, до поразительного напоминала её чертами лица.

Женщина была одета в элегантное ципао, и в ней во всей красе раскрывалась уникальная красота восточной женщины.

Услышав шаги, она обернулась. На её лице мгновенно расцвела улыбка. Она шагнула навстречу, с ног до головы окинула девушку взглядом, а затем слегка нахмурилась, и в её голосе зазвучала искренняя забота:

— Ты что, снова похудела?

— Нет, — Цзян Юй сначала даже обрадовалась, услышав это, потрогала свои щеки, но в конце концов была вынуждена признать: — Поправилась.

— С чего бы это тебе поправляться? — мать Цзяна вовсе не поверила ей, потянула за собой, оглядывая со всех сторон, и лишь утвердилась во мнении, что дочь опять нормально не питается. — Ты часом не сидишь тайком на диетах? Сколько раз тебе говорила, что чрезмерное похудение вредно для здоровья.

Если продолжить в том же духе, снова затянется долгая лекция. Цзян Юй торопливо подступила к матери, ласково заискивая и пытаясь увести разговор в сторону:

— Поправишься — на экранах будешь некрасиво смотреться.

— С какой это стати некрасиво? — в сердце матери Цзяна собственная дочь, лицо которой наполовину повторяло её собственные черты, была просто несравненной красавицей, перед которой меркнут государства и города, и никакой мужчина в мире её не стоил.

— Плюс десять килограммов на экране, — пояснила Цзян Юй.

— Да хоть плюс двадцать, всё равно красавица, — мать Цзяна уловила удобный момент и воспользовалась случаем, чтобы вновь поднять старый вопрос. — К тому же, раз на экране некрасиво, так бросай это дело. Твой отец изначально был против того, чтобы ты лезла в эту сферу, лучше бы пораньше ушла оттуда.

Каждый раз, стоило зайти об этом речь, неминуемо начиналось изнурительное перетягивание каната. Цзян Юй поспешно прервала её:

— Ладно-ладно, а где папа? Он ведь ещё не уехал в компанию?

— Нет, — мать Цзяна повела её в дом. — Знала, что ты вернешься утром, вот и ждем тебя к обеду.

Цзян Юй внутренне сжалась.

В их семье сложился классический уклад: строгий отец и мягкая мать, а в решении вопросов они прекрасно владели методом доброго и злого следователя.

Изначально Цзян Юй договорилась сняться всего в одном фильме — так, побаловаться. Но после съемок она неожиданно увлеклась актерским ремеслом и наотрез отказалась уходить из шоу-бизнеса. Отец Цзяна, будучи бизнесменом, свысока смотрел на эту сферу, не говоря уже о том, чтобы позволить собственной дочери туда соваться, и тут же наложил строжайший запрет.

Увы, после долгих споров Цзян Юй всё же тайком от семьи подписала контракт с агентством талантов.

Отец Цзяна пришел в ярость и собирался немедленно задействовать своего младшего брата, чтобы перекрыть ей все кислородные пути, но Цзян Юй тоже проявила несгибаемость. Между ними разгорелась холодная война. В конце концов матери пришлось вмешаться лично, чтобы хоть как-то сохранить видимость мира в семье.

Теперь, пока отец с дочерью не касались этой темы, в доме царила идиллия; но стоило завести о ней разговор — и вспыхивала искра, способная породить грандиозный пожар.

Дома мать отчитывала отца Цзяна, а при встрече с Цзян Юй принималась воспитывать дочь. В итоге никого убедить так и не удавалось, и при каждой встрече отец с дочерью с упорством пытались заставить друг друга принять их точку зрения.

— Что не так с шоу-бизнесом? Мало ли кто там распутничает, я просто занимаюсь любимым делом!

— И какая же это работа — торговать улыбками и физиономией ради чужого одобрения?

— С чего это ради одобрения? Им просто нравится моё творчество и я сама, а я всего лишь благодарна им за это.

— Благодарна чёрт пойми кому! Разве плохо сидеть дома, ходить по магазинам с подружками,

смотреть кино и пить послеобеденный чай?

— Мои подружки тоже из индустрии развлечений.

— ...

Мать Цзяна молча смотрела телевизор, мысленно причисляя себя к невидимкам.

Наконец, оба уставали спорить, садились по обе стороны от неё с надутыми лицами и принимались смотреть по телевизору состязания по прыжкам в воду, которые не были интересны никому из них.

— Наругались? — мать Цзяна, очевидно, привыкшая к подобным баталиям, снобистски брала на себя роль миротворца. — Вы оба, ну прямо не можете при встрече не поцапаться.

Цзян Юй недовольно возразила:

— Это папа каждый раз заводит пластинку насчет того, что я актриса.

— А что, неправда? — отец Цзяна шлепнул ладонью по дивану, свирепо вращая глазами. — Какая из тебя актриса, ты посмотри, во что ты превратилась!

Цзян Юй едва не рассмеялась от злости:

— Папа, как у тебя язык поворачивается такое говорить? Если бы ты не вставлял палки в колеса и не рушил мои связи, разве скатилась бы я до такого? Думаешь, я ничего не знаю?

— ... — старое лицо отца Цзяна покраснело. — Да если бы не я, ты бы и близко к этой сфере не подошла.

— Хватит! — пока они препирались в стороне, это было еще полбеды, но теперь они взяли её в клещи, устроив перепалку прямо над ухом, отчего она окончательно потеряла терпение. — Если вы оба не перестанете ругаться, марш на улицу!

Оба мгновенно замолкли, не смея злить человека, занимающего самое высокое положение в доме.

После минутного затишья Цзян Юй наконец вспомнила о том, кого до сих пор не видела:

— А где Цзян Ан?

Мать Цзяна и без того была не в духе, а этот вопрос угодил прямо в больное место. Она тут же

отвесила дочери легкую затрещину по макушке:

— Какой еще Цзян Ан? Называй его братом.

— Братец, братец, братец, — морщась от боли, Цзян Юй с кислым видом тут же благоразумно сменила тон. — Так где мой брат?

Только тогда мать осталась довольна:

— Ушел с самого утра, кажется, на свидание.

— На свидание? — сначала Цзян Юй не поверила своим ушам, но затем выражение её лица постепенно сменилось на брезгливое. — Да кому он такой нужен... — не договорив, она перехватила странный взгляд матери и благоразумно поправилась: — Ладно-ладно, раз кто-то взял, значит, нужен.

Только после этого мать отвела от нее глаза.

Цзян Юй мысленно тяжело вздохнула, скривила губы и не удержалась от бубнежа:

— Наша материнско-дочерняя любовь и вправду хрупка. Не прошло и часа, как я дома, а она уже так от меня нос воротит.

— Ты возвращаешься по разу на неделю и еще рассчитываешь, что я буду с тобой сюсюкаться?

— Да как у вас рука поднимается, когда вы смотрите на лицо, так похожее на ваше собственное?

— Очень даже поднимается, — мать Цзяна посмотрела на нее с досадой. — С такой внешностью — и до сих пор не можешь найти себе парня! Когда я была в твоём возрасте, твой брат уже всю ползая, а ты? В твои годы ты даже машину водить нормально не умеешь, не говоря уже о парне.

Чем больше мать говорила, тем сильнее злилась, и под конец её взгляд стал таким, будто она готова содрать с дочери это наполовину похожее на её собственное лицо, лишь бы та не позорила её перед людьми.

Цзян Юй выслушала это и почесала затылок: что-то здесь было не так, кажется, разговор свернул куда-то не туда.

— Ты о чем опять витаешь в облаках? Ответь мне прямо, когда ты наконец приведешь домой парня?

Парня?

При этом слове в памяти Цзян Юй мелькнуло безупречное лицо, лишенное малейших изъянов.

— О чем задумалась? — нет человека ближе к дочери, чем мать. Заметив, что та снова потеряла нить разговора, мать Цзяна помахала рукой перед её глазами и принялась выпытывать: — Уж не появился ли у тебя парень?

Нет.

Но кое-кто на примете есть.

Цзян Юй нерешительно позвала:

— Мам.

— М?

Цзян Юй вдруг вспомнила реакцию отца — он был страшно недоволен даже тем, что она подалась в шоу-бизнес. Если заикнуться, что ей приглянулся мужчина, да к тому же из той же сферы, её, пожалуй, прибьют от злости.

И не исключено, что перед смертью еще и отлупают.

Ей стало по-настоящему страшно.

Окинув взглядом прошлые грехи, Цзян Юй испугалась, и слова на её языке мгновенно переменились:

— Разве парней так легко найти?

— Мама прекрасно понимает, что найти трудно.

Как хорошо, мама всё-таки любит её.

— Именно поэтому мама уже присмотрела тебе подходящую кандидатуру.

Цзян Юй: «.....»

Мать Цзяна воодушевленно продолжила:

— Старший сын твоего дяди Чена, его зовут Чэнь Цы. Он на два года старше тебя, последние несколько лет управлял филиалом в Хуанчжоу, а два месяца назад вернулся. Я уже всё устроила, через пару дней вы встретитесь.

Цзян Юй тут же принялась отнекиваться:

— Мам, я занята. Я недавно зашла в новый проект, правда, очень занята.

— Насколько же можно быть занятой? Решено, значит решено, — вовремя вставил слово отец Цзяна.

На беду, характером Цзян Юй уродилась в отца: раз уж мать ей передалась лицом, то нравом она пошла в него. Услышав это, она тоже уперлась:

— Сказала нет, значит нет.

Мать Цзяна мысленно взвыла, смертельно боясь, что эти двое снова затеют ссору, и ей пришлось пока проглотить слова, выжидая более подходящего случая.

— Ладно-ладно, ну и крикуны же вы оба, никак не напоритесь.

Опасаясь, что мать вновь затянет песню о свидании, а в мыслях уже крутилось назначенное время обеда, Цзян Юй горько пожалела, что приехала домой. Едва добежав до дверей, она собралась смыться, как путь ей преградил Цзян Ан.

Они с самого детства росли в вечных драках и спорах, и само понятие братско-сестринского лада было для них чистой воды фантастикой.

Однако сегодня Цзян Ан выглядел крайне странно: он не стал задирать её, а вполне миролюбиво спроектировал вопрос:

— Домой собралась?

<http://bllate.org/book/21951/2280821>